

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Мертвая принцесса

Глупая девочка + умный, богатый дядя + дешевый мотель = странные игры.

Игры №3 (Потерянная весна)

Жанр: Холодно, холодно елочки зимой.

За простой деревянной дверью с № 24 скрывалась странная, я бы даже сказал шокирующая картина. Вообще-то это дверь вела в обыкновенный, недорогой номер, самой захудалой гостиницы, города. Отдаленная по воле проектировщиков, от главных городских достопримечательностей целыми развалами рабочих кварталов, она, — эта гостиница никогда, не прельщала собой иностранцев, те предпочитали, либо Интурист, либо Пацифик, либо на худой конец Пирамиду. Расточительных северян и избалованных москвичей здесь также видели достаточно редко. Ее обычный контингент, в основном состоял из жителей Кубани, средней полосы, Кавказа и стран СНГ, из тех, у кого не было достаточно денег, а главное запросов на не что большее.

Здесь не задерживались надолго, день-другой, максимум неделю, совковский сервис, неприязнательность кухни, серость внутренних интерьеров не располагали к долгому пребыванию. Но самым худшим в ней было ни это, ни жучки, с которыми вели вечную, и как сразу показывает первый эпитет, безрезультатную войну, ни клоны номера, ни перебои с горячей водой и электричеством. Самым худшим в ней был тот вид, что открывался из ее окон. Он был подобен смирительной рубашке, с севера на шумное шоссе, с запада на пронзающие небо, черные трубы, некоего вечно что-то перерабатывающего завода.

Тоскливая картина. Чувствительные натуры почувствовали бы здесь дискомфорт, и было, отчего, словно само это место, было создано, для развития некоего преступного замысла.

Сама атмосфера мотеля, располагала к этому, как влажна среда располагает к развитию грибных бактерий на лесной коряги, так и эти холодные стены как бы не зримо притягивали к себе не что зловещее. Все что угодно могло произойти в этих узких, скудно освещенных коридорах: убийство, самоубийство, изнасилование, или даже политический заговор. Не сочтите последнее фарсом, ведь именно в таких, казалась бы на первый взгляд совершенно непригодных местах, самые долгоиграющие заговоры чаще всего и замышляются. Да и кем были ее обитатели: все эти полные дамочки груженные большими мешковатыми сумками, худосочные субъекты с замашками параноиков, хилые старички с пылающим сладострастьем в глазах, и юные девушки, чьи манеры настолько вульгарны насколько их внешний вид и многообещающ. Кем? Кто знает.

Да признаюсь, описывая мотель я несколько сгустил краски, или вернее будет сказано, показал этот замкнутый в себе мирок под определенным ракурсом зрения, но каюсь, сделал это не со зла, а только для того что бы выдержать паузу, и дать вам возможность осознать, что за той самой пресловутой дверью вас не могло ждать ни чего хорошего. Признаться по правде, так оно и было.

Представьте себе узкое пространство комнатенки: дверь, стул, кровать, шкаф, громоздкую коробку телевизора, — вот почти что и все убранство интерьера; дешевые виниловые обои на стенах; напрочь зашторенные окна, не пропускающие через себя и лучика солнечного света; никотиновый смог, стоявший под подвесным потолком по причине сломанной вентиляции, и двух человек, — мужчину и девушку, словно сроднившихся с общей атмосферой помещения,

ни звука от них, ни движения.

Мужчине было не многим за пятьдесят, вполне респектабельного вида, в хорошем дорогом костюме, с повязанным на шее шелковым галстуком, он походил на политика, бизнесмена или просто человека стремящегося своим внешним видом показать, что в его жизни все обстоит вполне благополучно. Сидел он на стуле прямо напротив кровати, где покоилось юное, обнаженное тело. Одна его рука мертвой, скупой дрожащей хваткой, сжимала корочку депутатского удостоверения, под другой, безжизненно обвисшей, на пыльном прикроватном коврик, покоился черный как смоль револьвер. Композиция могшая заставить сердце любого вздрогнуть.

Но это было лишь прелюдией кошмара что как лакмусовая бумага передавало лицо этого человека: смертельно бледный овал лица; высокий лоб, блестящий от наползающего к глазам пота; обескровленная почти, что синяя полоска дрожащих губ, словно желающих, вырвать из себя некое слово или фразу, но по каким-то причинам неспособная это совершить, и в довершение эти глаза, — глаза сумасшедшего, буквально пожиравшие объект своего вожделья — девушку, лежавшую на скомканной простыне: неприязнительность человеческой позы, стройность раскинутых по сторонам ног, резные голени, локотки, коленки, осязаемую твердость миниатюрных сосков миниатюрной груди, двойственность половых губ чуть выглядывающих наружу из под хауса вьющихся волос, прелесть молодого лица брюнетки уставившегося своими большими, широко распахнутыми глазами куда-то вверх, в область нависшего потолка.

После моего неловкого присоединения, эта страшная немая сцена, вполне возможно достойная пера Рембрандта (тот, кстати, любил писать драматичные вещи) продлилось минуты две, три, не больше. После чего случилось то, что на тот момент, меньше всего можно было ожидать. Мнимая покойница просто случайно моргнула, и толи, осознав, что ее притворство раскрыто, толи по каким-то другим причинам, сползла с места и устало плюхнулась на край койки.

— Все, я так больше не могу Александр Васильевич, устала?

Мужчину сидевшего напротив, передернуло, он ожил, слотнул, потянулся к внутреннему карману пиджака, вытянул наружу носовой платок.

— Что не можешь... Что устала... Катенька? — Сказал он, чуть отойдя, и начал протирать взмокшее от пота лицо.

— Покойницу из себя строить. Это как-то странно, вы сами не считаете. К тому же каждый раз вы выбираете для меня настолько замысловатые позы, что через несколько минут в их пребывание конечности начинают затекать, а я ведь не натурщица, а проститутка. И вообще, зачем весь этот маскарад. Зачем вы их достаете, — девушка ткнула указательным пальцем в сторону удостоверения и револьвера.

— Ну, потому что я депутат краевой думы. А основная обязанность народных избранников знаешь, в чем заключается? Правильно. В том, чтобы вовремя вытаскивать свое удостоверение. Без этого в нашем мире некуда, — не без иронии в голосе усмехнулся Александр Васильевич. — А этот револьвер, он ведь ненастоящий, всего-навсего искусная имитация — вполне безобидная зажигалка.

— В полкилограмма веса?

— В пол? А что с того.

— Пусть, так как вы говорите, но все же зачем?

— Ах, милая, — мужчина явно приходил в себя, — все дело в нюансах понимаешь, будь ты интеллигентным человеком, будь у тебя, как у меня, два высших образования, ты бы наверняка меня поняла. Нюансы это то, что даже дерьмо может превратить в конфетку. Они необходимы в любом деле, в любом процессе, в любой игре; они обволакивают, завораживают, погружают; они создают для меня нужную атмосферу, аля шарм, — понимаешь.

— Проститутка тупа, молча, смотрела на этого странного, но не лишённого определенной пусть и специфической харизмы, человека.

— И что значит не можешь — продолжил Александр Васильевич после того как закурил сигарету, — люди бывают разными, одним дано одно, другим другое, у каждого из нас свое призвание: мое к примеру, нажимать нужную кнопку, когда попросят, — это такая метафора, — твое, изображать мою раз и навсегда потерянную Весну, и в этом деле ты звезда, ты неповторима. До тебя у меня было много девушек, которые, как и ты выполняли некоторые мои невинные пожелания, Светлана, Наташа, Алина все имена даже не упомянешь. Была даже одна китайка, с трудно произносимым именем, кстати, очень милая и добросовестная девушка. Но некто из них всех не получал от меня за раз двести баксов. А знаешь почему.

— Почему, — тоскливо протянула проститутка.

— Очень просто. Потому что ни кто из них не стоил таких денег. А ты стоишь. Ты стоишь даже в два раза больше денег.

— Правда?

Александр Васильевич улыбнулся, потянул руку к бумажнику, вытащил оттуда четыре зеленых купюры, продолжил:

— Я не Филини, ни Бартон, и даже не Михалков, я простой русский парень, которому просто немножко повезло в жизни, но поверь моему наметанному глазу и первый и второй и третий, видь они твою маленькую, но всякий раз гениально сыгранную роль без раздумий утвердили тебя в сценарий.

— Вновь шутите?

— Ничуть. — Мужчина выложил деньги на край кровати.

— Вообще-то однажды, Гошик, предлагал мне сняться у голландцев, но там и девочки би должны были быть и мальчики тоже би; а я в таких вещах очень брезгливая, как представлю себе как мальчик мальчику вс...

— Вот видишь, даже Гошик видел в тебе актерское призвание, — прервал девушку мужчина. А кто твой Гошик такой, — мудила, хмырь, каких поискать еще надо, но ведь видел. Но ты права, ты на это не иди. Это то, что одни примитивы делают с другими примитивами, чтобы третьи не скучали, а упражнялись, — мужчина сделал довольно оригинальный жест, и то одним единственным возможным для себя образом, — обыденная, лишённая элементарного вкуса, мерзость. Я не такой, да и ты совсем не такая. У меня есть вкус, а у тебя твой талант и внешность. Мы с тобой отличная пара Катя и мне жаль, что иногда ты этого не понимаешь. Вспомни, я хоть раз тебя обижал.

Александр Васильевич замолчал. Катя перевела взгляд с него на манящие деньги. На ее красивом, хорошо очерченном лице, всплывали морщинки неких загадочных размышлений; она думала и о голландцах, и о Гошике, и о словах депутата, и даже о том, о чем вопреки сложившемуся стереотипом, проститутка вообще по своей природе думать не может. Наконец, видимо ответив самой себе, — да, нет, на все возникшие пред ней вопросы, она решительно

посмотрела на клиента, и словно отвечая на выражение томительного ожидания, что так явственно запечатлело его лицо, кивнула.

Забравшись на свое прежнее место, она разбросала по сторонам руки ноги и повертевшись недолго на месте вдруг самым фантастическим образом замерла. Александр Васильевич вздрогнул. Видимо девушка действительно обладала удивительной способностью как бы обманывать время. По крайней мере, имитация смерти с ее стороны, выглядела, крайне правдоподобна.

Словно не веря своим глазам, а в это действительно сложно было поверить, мужчина приподнялся с места, нерешительно приблизился к прекрасному телу, склонился над ним. Оглядев Катю с головы до ног, он казалась, ища подтверждение случившемуся с ней несчастью, был готов вот-вот включить свое обоняние. Но вдруг его повело из стороны в сторону как пьяного, и он наверняка растянулся бы на полу, не попадись ему во время спасительные подлокотники стула. Еле дыша, он все же с трудом уселся обратно.

С течением времени его лицо приняло выражение бледной, резиновой маски. Нервное перенапряжение оказывало воздействие на мышцы. Со стороны могло показаться, что что-то инородное, злое и алчное изнутри пожирает этого солидного человека: широкий лоб вновь блестел от испарины; глаза выкатили из орбит; а губы трясло так, как это случается с пластмассовым шариком, всунутым в узкое и неудобное пространство между ракеткой и столом для пинг-понга, пока на исходе получаса из этих самых губ, мучительно и протяженно, наконец, не вырвалась та самая фраза столько времени надававшая Александру Васильевичу покоя.

Эта опасная игра, эта мистификация продолжалось где-то с год с небольшим независимо от погоды и других обстоятельств за плотно зашторенными окнами № 24, до тех пор, пока жизнь обитателей непримечательного, недорого отеля не потревожил револьверный выстрел. Как впоследствии написали все краевые издания, — абсолютно случайный выстрел.